ЛАВРОВ П Л

Русская

РАЗВИТАЯ ЖЕНЩИНА

3 экз

РУССКАЯ РАЗВИТАЯ ЖЕНЩИНА.

Въ память Софьи Васильевны Ковалевской.

(Прочитано на собраніи 6 апрѣля 1891 г. въ Парижѣ).

Мы собрались здѣсь, чтобы почтить память Софьи Васильевны Ковалевской. Намъ передали рѣчь, которая была произнесена надъ ея могилой и въ которой одинъ изъ ближайшихъ друзей покойной и одинъ изъ замѣчательныхъ ученыхъ нашего отечества сказалъ, что Софья Васильевна „оставалась вѣрною и самоотверженною союзницею молодой Россіи“. Предъ нами возстановили по тѣмъ матеріаламъ, которые можно было собрать здѣсь, въ Парижѣ, недлинную, но богатую характеристическими чертами біографію женщины, которой удалось соединить въ себѣ способность открытія новыхъ истинъ въ области самой точной и самой абстрактной науки, талантъ писательницы, умѣющей воспроизводить живые образы того, что она видѣла и пережила, привлекательность свѣтской женщины, обогатившей свой умъ обширнымъ чтеніемъ и опытомъ жизни, и умѣніе не только сочувствовать, но и содѣйствовать широкому соціальному движенію нашего времени. Ему принадлежатъ и народные университеты въ Швеціи, вызвавшіе во всей русской прессѣ вниманіе къ себѣ вслѣдствіе статьи Софьи Васильевны, появившейся въ послѣдніе мѣсяцы ея жизни; къ нему относится и тотъ фондъ, завѣщанный Лореномъ, въ числѣ распорядителей которымъ стояло между прочимъ имя нашей покойной соотечественницы, фондъ, который назначался на соціологическія изслѣдованія и уже успѣлъ дать замѣчательные результаты. Она была постоянной и внимательной слушательницей рѣчей, произносимыхъ на соціалистическомъ конгрессѣ 1889 г., rue Rochechouart. Ея близкіе пріятели прямо говорятъ, что „она была соціалисткой“, и между рукописями, ею оставленными, находится, какъ слышно, романъ „изъ жизни нигилистовъ“, гдѣ она съ теплымъ сочувствіемъ относится къ русскому революціонному движенію.

Я сожалѣю, что не могу прибавить, на основаніи моего личнаго знакомства съ Софьей Васильевной, ничего къ этому біографическому матеріалу, который былъ-бы для присутствующихъ здѣсь наиболѣе интереснымъ. Но наши пріятельскія отношенія были слишкомъ отрывочны; Софьѣ Васильевнѣ не случилось сообщить мнѣ ни малоизвѣстныхъ фактовъ изъ своей личной жизни, ни тѣхъ работъ, которыя доставили ей почетную извѣстность въ мірѣ математическомъ, ни своихъ убѣжденій по вопросу о соціализмѣ. Такъ какъ учредительницы этого собранія выразили мнѣ желаніе, чтобы, тѣмъ не менѣе, я произнесъ здѣсь нѣсколько словъ по поводу ея смерти, то я съ радостью пользуюсь этимъ предложеніемъ, чтобы почтить ея память тѣмъ способомъ, котораго, какъ мнѣ кажется, она наиболѣе заслуживаетъ, и который ей, по моему мнѣнію, былъ-бы наиболѣе пріятенъ, если-бы мы могли спросить ея мнѣніе.

Она была женщина мысли и женщина впечатлительная ко всѣмъ явленіямъ жизни. Формулируя это однимъ словомъ, она была женщина *развитая*. Она, по свидѣтельству самыхъ близкихъ друзей, осталась „русской" въ глубинѣ своихъ убѣжденій и симпатій; „осталась вѣрною союзницею молодой Россіи". Чѣмъ могу я почтить лучше ея память, какъ не бесѣдою, по поводу ея жизни, о положеніи современной русской женщины, если эта женщина — *человѣкъ* въ полномъ смыслѣ этого слова; если она — *развитой* человѣкъ, въ томъ смыслѣ, который развитіе получило въ современную историческую эпоху; если она — развитой *русскій* человѣкъ, при тѣхъ условіяхъ, которыя ставитъ человѣческому и въ частности женскому развитію современное положеніе нашего отечества? Почтённый приглашеніемъ сказать нѣсколько словъ здѣсь въ собраніи, гдѣ присутствуютъ въ значительномъ числѣ русскія женщины и которое ими созвано, я считаю своей обязанностью выразиться въ этомъ отношеніи прямо и откровенно.

Спеціалисты признали за трудами Софьи Васильевны Ковалевской замѣчательныя ученыя достоинства, и легко было бы при этомъ случаѣ распространиться о несостоятельности продолжающихся споровъ о разницѣ женскаго и не женскаго ума, но я не считаю нужнымъ для моей цѣли остановиться теперь на этомъ вопросѣ.

Отмѣтимъ въ ученой дѣятельности Софьи Васильевны фактъ, ближе стоящій къ предмету этой бесѣды. Оставаясь русской въ своихъ симпатіяхъ и интересахъ мысли, Софья Ва-

сильевна въ своей ученой дѣятельности нашла надлежащую оцѣнку не въ нашемъ общемъ отечествѣ. Не петербургская, а парижская академія дала ей премію за работы, обратившія на себя вниманіе ученаго міра. Не какой-либо русскій университетъ, а стокгольмскій предложилъ ей каѳедру. Этотъ фактъ не лишенъ значенія: почему русская ученая женщина, не разорвавшая связи съ родиною, не нашла въ ней ни оффиціальной оцѣнки своимъ мирнымъ работамъ, ни оффиціальной каѳедры для своего чисто-научнаго преподаванія? Этотъ фактъ тѣмъ знаменательнѣе, что нельзя сказать, будто ея родина не знала ея, такъ какъ изъ описанія ея похоронъ видно, что „изъ Гельсингфорса и Тифлиса, изъ Харькова и изъ Саратова" прислали на ея могилу привѣтствія. Какъ можетъ и какъ должна русская развитая женщина понимать свое отношеніе къ своему отечеству въ присутствіи подобныхъ фактовъ?

Обращу ваше вниманіе еще на другое обстоятельство. Софья Васильевна Ковалевская работала въ области науки самой точной, самой строгой по своимъ методамъ, а между тѣмъ она, какъ современная развитая женщина, была дѣятельною участницею въ распоряженіи фондомъ, направленнымъ на работы по соціологіи, самой молодой и самой спорной изъ всѣхъ современныхъ наукъ; она интересовалась преніями на конгрессѣ, гдѣ присутствовали представители партій, которыхъ строгіе научники обвиняютъ въ наиболѣе крайнихъ увлеченіяхъ. Она сама, говорятъ ея пріятели, была соціалисткою. Не знаменателенъ-ли и этотъ фактъ? Не принуждаетъ-ли онъ всякую женщину, посвящающую себя наукѣ, подумать надъ вопросомъ: должна-ли она слѣдовать тому примѣру крайней спеціализаціи въ области мысли, который слишкомъ часто господствуетъ въ мірѣ ученыхъ нашего времени; той спеціализаціи, которая слишкомъ часто съуживаетъ не только умъ замѣчательнаго ученаго, концентрируя его на вопросахъ все болѣе и болѣе частной области, но съуживаетъ и его нравственный горизонтъ, дѣлая его все болѣе индифферентнымъ и къ болямъ его родины, заслоненной отъ его мысли космополитическими лабораторіями и институтами, и къ общечеловѣческимъ задачамъ его времени, къ которымъ онъ остается слѣпъ и глухъ, озабоченный удачей опыта надъ новой комбинаціей химическихъ элементовъ, надъ новымъ микробомъ, погруженный въ разборъ новой клинообразной надписи, въ археологическія розысканія надъ новымъ осколкомъ глиняной ва-

зы эпохи доисторической бронзы? Не спроситъ-ли себя развитая женщина, посвящающая себя наукѣ, — какъ долженъ, можетъ быть, спросить себя и каждый мужчина въ подобныхъ-же условіяхъ, — не рутина-ли участвовала въ значительной мѣрѣ въ распредѣленіи наукъ на точныя и неточныя? Не проходили-ли всѣ науки чрезъ ступени колебанія въ ихъ методахъ и въ ихъ результатахъ? Не росло-ли человѣчество гораздо болѣе при помощи разбора спорныхъ вопросовъ, подвергая все болѣе научному методу то, что вчера обсуждалось лишь съ точки зрѣнія священнаго вѣрованія, мертвой традиціи, общественнаго аффекта? Не справедливы-ли въ значительной мѣрѣ тѣ, которые, со времени Огюста Конта, видятъ въ соціологіи естественное завершеніе всѣхъ современныхъ наукъ; видятъ науку, для которой всѣ другія составляютъ лишь подготовленіе; науку, которая должна входить въ кругъ умственныхъ интересовъ всякаго *развитаго* ученаго, каковы ни были-бы, впрочемъ, отрасли знанія, къ которымъ его влечетъ его спеціальный строй мысли? Не развертывается-ли предъ умомъ развитаго человѣка широкій горизонтъ мысли во всѣхъ его областяхъ, требуя для каждаго изъ своихъ вопросовъ лишь одного условія: возможно-яснаго пониманія этого вопроса, какъ въ его обособленіи, такъ и въ его многоразличныхъ связяхъ со всѣми другими вопросами мысли и жизни; приложенія къ обсужденію этого вопроса лишь научныхъ методовъ въ той мѣрѣ, въ какой состояніе научной мысли позволяетъ это сдѣлать въ данную эпоху?

Это насъ приводитъ къ еще одному вопросу, который можетъ быть вызванъ жизнью и дѣятельностью Софьи Васильевны въ умѣ моихъ слушательницъ, на сколько эта дѣятельность была посвящена научному мышленію и литературѣ. Если наука, въ ея педагогической формѣ, есть необходимое подготовленіе для всякаго развитаго человѣка, а, слѣдовательно, и для всякой развитой женщины, то посвящаетъ себя ученымъ открытіямъ, или даже научному преподаванію лишь незначительное меньшинство. Это, опять таки, спеціальность, которая можетъ играть видную роль въ жизни лишь отдѣльныхъ личностей изъ моихъ слушательницъ, отдѣльныхъ личностей изъ развитыхъ русскихъ женщинъ, которыхъ я здѣсь имѣю въ виду, и потому, можетъ быть, большинство ихъ спроситъ себя: могутъ-ли многія изъ нихъ, при самомъ глубокомъ уваженіи къ памяти покойной молодой ученой и писательницы, извлечь изъ ея жизни и дѣя-

тельности какія-либо полезныя соображенія для *своихъ* жизненныхъ вопросовъ, для *своего* будущаго. Она стремилась къ новымъ открытіямъ въ области математики и математической физики: многимъ-ли развитымъ женщинамъ придется въ жизни ставить себѣ подобную задачу въ какой-бы то ни было спеціальной наукѣ? и не очень-ли мало число лицъ, считающихъ себя учеными, которые освобождаются отъ рутиннаго занятія мелочными, никому не нужными и не имѣющими никакого значенія фактами? Она выказала въ немногомъ ею напечатанномъ замѣчательный литературный талантъ: многія-ли личности обоего пола одарены подобнымъ талантомъ? и приносятъ-ли какую-либо пользу человѣчеству тѣ многочисленные бездарные писаки обоихъ половъ прошедшаго и нашего времени, которые нагромождаютъ печатные томы на печатные томы, не внося въ нихъ ничего свѣжаго и развивающаго?

Да; мало, очень мало истинныхъ служителей науки, какъ точнаго орудія пониманія міра и жизни, истинныхъ двигателей литературы, вносящихъ въ нее живые образы и свѣжія мысли. Счастливы тѣ, имена которыхъ, вслѣдствіе благопріятныхъ условій жизни, попали въ списокъ этого небольшаго меньшинства; но никто не можетъ знать, способенъ-ли онъ на это, удастся-ли ему это, и всякій работникъ мысли сходитъ со сцены, далеко не увѣренный въ томъ, какое мѣсто дастъ ему потомство въ лѣтописяхъ человѣческой мысли. Да; большинство работниковъ въ этихъ областяхъ стоитъ по развитію нисколько не выше огромнаго числа своихъ современниковъ, до которыхъ наука коснулась лишь своими элементарными, педагогическими частями и которые не написали для печати ни одной строки. Ни ученыя, ни литературныя занятія не составляютъ священной области, вступая въ которую человѣкъ оградилъ себя отъ рутины, отъ застоя въ мысли, отъ ретроградныхъ стремленій. Чрезъ всѣ области человѣческой дѣятельности и внѣ предѣловъ каждой изъ нихъ идетъ волна, которая составляетъ прогрессъ человѣчества, подхватываетъ однихъ, дѣлая изъ нихъ борцовъ за лучшее будущее, и бросаетъ въ сторону другихъ, оставляя ихъ внѣ исторической жизни.

Въ давно-минувшее время, среди людей-дикарей, людей-звѣрей, проснулось въ единицахъ наслажденіе развитіемъ, выработалась любовь къ развитію, потребность его. Въ эту минуту появился въ человѣчествѣ зародышъ исторической жизни. Съ этой минуты стала рости волна историческаго

прогресса, вынося на своей вершинѣ руководителей общества, глашатаевъ борьбы съ рутиною, героевъ человѣческой мысли. Они бросали въ процессъ этой мысли истины и заблужденія, элементы солидарности и кровавой борьбы. Они увлекали современниковъ живымъ образомъ, заставляли ихъ задумываться надъ богатыми содержаніемъ понятіями и формулами, или просто служили имъ въ жизни чарующимъ примѣромъ вѣрности убѣжденію и энергической дѣятельности. Въ ихъ числѣ были люди, усвоившіе всѣ знанія и всю мудрость своего времени, точно такъ-же какъ люди, которымъ лишь обыденная практика жизни могла принести пониманіе и убѣжденіе. Между ними были баловни исторіи, которымъ событія дали сами собою въ руки кормило общественнаго судна, были и люди массы, которые боролись въ рядахъ страждущей и голодающей толпы, создавая лишь личною энергіею и личнымъ вліяніемъ около себя новыя общественныя теченія и общественныя силы. Среди нихъ были люди громадныхъ способностей и люди совершенно ординарныхъ умственныхъ силъ. Но ихъ всѣхъ охватывало одно общее теченіе, которое столь-же опредѣленно выдѣляло ихъ изъ окружающей ихъ толпы знающихъ и невѣждъ, правителей и людей массы, талантливыхъ и мало способныхъ людей. Они всѣ *наслаждались развитіемъ;* они всѣ *чувствовали въ немъ потребность;* они всѣ на разныхъ путяхъ, въ разныхъ положеніяхъ, *стремились искренно къ этому развитію,* тогда какъ это наслажденіе, эта потребность, это стремленіе были незнакомы людямъ, стоявшимъ съ ними рядомъ. Они всѣ жили *историческою* жизнью, когда другіе ихъ современники оставались внѣ ея. Они всѣ, въ своихъ убѣжденіяхъ и заблужденіяхъ, въ своихъ прогрессивныхъ и регрессивныхъ стремленіяхъ, въ своемъ сплоченіи и въ своей борьбѣ, образовали ту *интеллигенцію,* которая создавала исторію, призывая въ свою среду всѣхъ и составляясь изъ всѣхъ *развитыхъ* людей, какъ-бы они, впрочемъ, не различались между собою знаніями, общественнымъ положеніемъ, талантами.

Я имѣю здѣсь въ виду не только женщинъ, посвятившихъ себя спеціальной наукѣ, даже не только женщинъ, которымъ обстоятельства дозволили отдать достаточное время наукѣ вообще. Я имѣю въ виду всѣхъ *развитыхъ русскихъ* женщинъ; всѣхъ тѣхъ, которыя не довольствуются тѣмъ, чтобы мыслить по указанному, жить, какъ живется, но въ груди которыхъ проснулось стремленіе понять среду,

ихъ окружающую на сколько обстоятельства имъ это дозволяютъ; проснулось стремленіе внести въ жизнь свою и чужую элементъ лучшаго; я имѣю въ виду женщинъ, которыя ни въ ученой лабораторіи, ни за швейною машиною не остались слѣпы и глухи къ задачамъ мысли, возникающимъ около нихъ, къ заботамъ и болямъ общества, въ рядахъ котораго онѣ имѣютъ, каждая, свои особыя задачи, свои особыя заботы и боли. Передъ всѣми ними стоитъ одинъ общій вопросъ: что̀ требуетъ современная эпоха отъ *женщины-человѣка*, отъ *развитой* женщины? Предъ русскою аудиторіею, къ которой я обращаюсь, стоитъ еще особый вопросъ: что̀ требуетъ современное положеніе нашей родины отъ развитой *русской* женщины?

Требованія развитія въ разныя эпохи и въ разныхъ странахъ могли быть и были различны. Была эпоха, когда вопросъ религіозный заслонялъ другія задачи для многихъ народовъ. Были страны, гдѣ въ данное время вопросъ національный одушевлялъ всякаго развитаго человѣка. Были моменты, когда для всѣхъ людей, которымъ доступно было высшее знаніе ихъ времени, открытіе новой древней рукописи или новая астрономическая гипотеза были элементомъ мысли, то или другое отношеніе къ которому ставило ученаго въ ряды людей живущихъ исторической жизнью, или исключавшихъ себя изъ нея. И наше время имѣетъ свои задачи подобнаго рода. Ихъ ставитъ передъ современнымъ человѣчествомъ не капризъ отдѣльной личности, даже не угадываніе передоваго мыслителя, но волна исторіи; эта волна ростетъ въ данномъ пунктѣ и въ данномъ направленіи на основаніи неисчислимыхъ разнообразныхъ вліяній прошедшаго; она подготовляетъ въ болѣе или менѣе далекомъ будущемъ явленія и событія, которыя мы можемъ угадывать лишь въ неопредѣленныхъ очеркахъ, но въ очеркахъ то ласкающихъ воображеніе, то грозныхъ для него; она вырабатываетъ фатальныя задачи и заботы настоящаго, отъ которыхъ не можетъ отвернуться ни одинъ развитой человѣкъ, какъ-бы онъ, впрочемъ, ни относился къ этимъ задачамъ и заботамъ.

На сколько мнѣ доступно пониманіе нашего времени и періода, ему предшествовавшаго, я думаю, что на первомъ планѣ теперь стоятъ двѣ задачи. Одна завѣщана намъ нѣсколькими поколѣніями, уже прежде насъ надъ нею работавшими. Это — надлежащее *отстаиваніе научной мысли* отъ всѣхъ ея искаженій. Оно представляется въ нашу эпоху съ

особенностями, которыхъ не имѣло прежде, требовало-бы указанія на подробности, остановиться на которыхъ я не имѣю теперь времени, и потому я его оставлю въ сторонѣ, ограничиваясь лишь немногими словами.

Борьба за научное пониманіе міра опирается на завоеванія точного знанія, которыя имѣютъ за собою три вѣка неудержимаго расширенія и ростъ которыхъ никто остановить уже не можетъ; этотъ ростъ поддержанъ на столько-же интересами господствующихъ классовъ современнаго общества, на сколько онъ составляетъ ручательство эмансипаціи его массъ. Поэтому человѣчество можетъ спокойно отмѣчать временныя реакціонныя явленія въ этой области: отвернуться отъ вопросовъ истиннаго пониманія міра я считаю уже невозможнымъ и традиція ихъ научнаго рѣшенія, какъ мнѣ кажется, установилась прочно.

Но иное положеніе имѣетъ другой вопросъ, столь-же неотразимо поставленный нашею эпохою предъ всякимъ развитымъ человѣкомъ. Это — *вопросъ соціальный*, вопросъ о томъ, должна-ли будущая цивилизація опираться, какъ она опиралась въ продолженіи предшествующихъ тысячелѣтій, на индивидуалистическіе интересы, на конкурренцію этихъ личныхъ интересовъ, на выработку въ процессѣ этой конкурренціи меньшинства сильныхъ побѣдителей, покупающихъ наслажденіе выгодами все болѣе утонченной и блестящей культуры цѣною труда, страданія и обезчеловѣченія милліоновъ, на которыхъ эта культура ложится лишь все болѣе тяжелымъ ярмомъ? Или не стоимъ-ли мы передъ новымъ періодомъ исторіи, который выработываетъ и выработаетъ солидарность трудящихся массъ, завоевывающихъ себѣ при пособіи этой солидарности человѣчныя условія жизни, участіе во всѣхъ благахъ, приносимыхъ успѣхами культуры, потребность и возможность наслаждаться развитіемъ, участвовать въ исторической жизни?

Этотъ вопросъ затрогиваетъ самые жгучіе интересы какъ господствующихъ классовъ такъ и массъ, самыя возвышенныя задачи человѣческой нравственности, самые сложные вопросы научнаго пониманія. Это, во первыхъ, борьба классовъ со всѣмъ ожесточеніемъ, со всѣми катастрофами, которыя подобная борьба всегда вносила въ исторію. Это, затѣмъ, борьба за идеалъ справедливѣйшаго строя общества, способная вызвать самое безграничное самоотверженіе личности, доросшей до усвоенія этого идеала. Это, наконецъ, борьба за настоящее пониманіе общества и исторіи въ са-

мыхъ основныхъ элементахъ перваго, во всей цѣлости сложнаго процесса второй. — Это, по мнѣнію однихъ, новое нашествіе варваровъ, грозная опасность для всѣхъ прелестей современной цивилизаціи съ ея комфортомъ и роскошью, съ ея блестящимъ развитіемъ формъ искуства, съ ея сложною организаціею научныхъ пособій, съ ея многовѣковыми чарующими традиціями борьбы, побѣдъ и пораженій,—опасность, болѣе грозная, чѣмъ та, которая наступила для древней цивилизаціи, когда фанатическіе монахи тащили разорванный трупъ Ипатіи по улицамъ Александріи, когда Аларихи и Гензерихи опустошали „вѣчный городъ", и когда ужасамъ гибели стараго міра Августинъ могъ противупоставить лишь фантастическую картину „града Божія". — Это, по мнѣнію другихъ, конецъ борьбы классовъ; это—конецъ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ, эксплуатаціи, губящей эксплуатируемаго, но столь-же неизбѣжно деморализирующей эксплуататора; это — установленіе общей кооперацiи всѣхъ народовъ, всѣхъ людей для взаимнаго развитія, для совокупнаго пользованія силами природы, для самаго широкаго техническаго, умственнаго и нравственнаго прогресса личности и общества; это, наконецъ, неизбѣжный результатъ всей прошедшей исторіи, подготовленный всѣми прежними завоеваніями человѣческой мысли, подготовляемый фатально самыми противниками новаго общественнаго строя въ процессѣ эксплутатаціи ими условій строя настоящаго.

Этотъ строй казался непоколебимымъ. Его поддерживаютъ всѣ силы государствъ, выработавшихъ полицію, суды, администрацію, войско. Его поддерживаетъ всемірная организація индустріи, торговли, биржевой спекуляціи. Въ его существованіи и развитіи заинтересованы цари биржи, отъ произвола которыхъ зависятъ финансы цѣлыхъ имперій; заводчики, на обогащеніе которыхъ работаютъ десятки и сотни тысячъ рукъ; комерсанты, для кораблей которыхъ океаны слишкомъ тѣсны; рантьеры, на земляхъ которыхъ построены цѣлыя части столицъ или могли-бы поселиться цѣлые народы: меценаты, которые строятъ обсерваторіи астрономамъ, засѣдаютъ въ совѣтахъ институтовъ для микробіологіи, платятъ сотни тысячъ за картину или за статую. Можно-ли было опасаться, что этимъ могучимъ силамъ нашей эпохи сдѣлаются опасными голодные, невѣжественные рабочіе? Съ мятежами временными, хотя иногда довольно чувствительными, господствующіе классы были знакомы издавна. Но на эти потери они въ цѣломъ смотрѣли равно-

душно. За ними была сила политическая и экономическая. Она обезпечивала имъ, повидимому, всегда окончательную побѣду. Случайныя потери могли быть покрыты послѣдующими барышами. Чего-же было имъ опасаться?

И представители капитализма выслушивали сперва съ благодушнымъ снисхожденіемъ утопистовъ соціализма, когда Сенъ-Симоны и Оуэны обращались къ сильнымъ міра съ проэктами радикально обезпечить государства отъ политическихъ революцій. Они относились съ озлобленнымъ презрѣніемъ къ маленькимъ и разрозненнымъ группамъ прежнихъ соціалистовъ-революціонеровъ, призывавшихъ людей къ борьбѣ за справедливѣйшій строй общества. Ихъ ученые на каѳедрахъ политической экономіи и права лишь рѣдко находили нужнымъ упомянуть мимоходомъ о „вредныхъ заблужденіяхъ“ мечтателей, чуждыхъ, по ихъ мнѣнію, самыхъ элементовъ экономическаго знанія. На столбцахъ серьезныхъ газетъ не было мѣста для этихъ „безумныхъ фантазій“. Передъ полиціей и судомъ соціалистъ былъ ни что иное, какъ преступникъ, подходящій подъ опредѣленную рубрику.

Но время шло. На стѣнахъ залы, гдѣ пировали Вальтасары биржи и индустріи, чиновничества и прокуратуры, вспыхнули слова: „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“ Зародился научный соціализмъ. Исторію прошедшаго освѣтилъ почти во всемъ ея процессѣ принципъ борьбы экономическихъ классовъ. Современные общественные мыслители должны были признать, что капитализмъ фатально вырабатываетъ пролетаріатъ и едва-ли не собственными руками подготовляетъ себѣ грознаго преемника. Конгрессы Интернаціонала настолько испугали капиталистическій міръ, что онъ на минуту повѣрилъ существованію въ концѣ 60-тыхъ годовъ многочисленной арміи, уже организованной для борьбы съ нимъ. Въ продолженіи 72 дней красное знамя соціальной революціи развѣвалось надъ зданіями Парижа и когда его затопили въ крови слишкомъ тридцати тысячъ человѣкъ, зарѣзанныхъ, разстрѣлянныхъ и чуть ли не заживо погребенныхъ, ему понадобилось лишь 8 лѣтъ, чтобы его сторонники снова громко заявили о своихъ убѣжденіяхъ въ этой самой Франціи. Съ тѣхъ поръ прошло не болѣе 12 лѣтъ и теперь уже ни благодушное снисхожденіе, ни озлобленное презрѣніе къ соціалистамъ оказывается неумѣстнымъ. Это — сила, съ которой приходится считаться. Профессора на оффиціальныхъ каѳедрахъ посвящаютъ ей цѣлые курсы. Самые крупные экономисты, юристы, соціологи подвергаютъ

ее тщательному разбору въ многочисленныхъ книгахъ. Тому два года въ Парижѣ имѣлъ мѣсто конгрессъ соціалистовъ всѣхъ странъ Европы, болѣе обширный и полный, чѣмъ всѣ прежніе конгрессы Интернаціонала, и тому нѣсколько дней тамъ собирались делегаты горнорабочихъ разныхъ странъ, представители почти милліона рабочихъ въ одной только отрасли труда. Рабочій въ блузѣ засѣдаетъ въ парижской палатѣ депутатовъ и рабочій соціализмъ имѣетъ представителя въ Уэстминстерскомъ дворцѣ. Въ англійскомъ парламентѣ, въ совѣтѣ министровъ и въ кабинетѣ императора новой Германской имперіи, въ молельнѣ римскаго папы соціальный вопросъ стоитъ грознымъ призракомъ. Здѣсь радикалы всѣхъ партій принимаютъ названіе „радикаловъ соціалистовъ". Тамъ мечтаютъ о фантастическомъ созданіи „государственнаго соціализма", „христіанскаго соціализма" и т. д, и т д. „Мы всѣ—соціалисты", говорилъ, улыбаясь, одинъ изъ главныхъ помощниковъ Гладстона, но подъ этою улыбкою, намекающей на сознательный парадоксъ, скрывается признаніе, что *соціальный вопросъ* поставленъ нашею эпохою на очередь для всѣхъ государственныхъ людей. Это — самый живой вопросъ современной исторіи.

Убѣжденный соціалистъ не можетъ не видѣть *истиннаго* развитія лишь въ соціализмѣ, но ему приходится допустить, что человѣкъ, стремящійся искренно къ развитію и участвующій въ исторической жизни нашего времени, можетъ быть при иныхъ условіяхъ противникомъ соціализма. Можно, преслѣдуя ту или другую общественную цѣль, тотъ или другой идеалъ лучшаго, видѣть въ соціализмѣ силу враждебную, въ то время какъ соціалистъ признаетъ его единственнымъ путемъ къ достиженію личныхъ и общественныхъ идеаловъ. До извѣстной степени развитые люди въ разныя эпохи стояли и въ партіяхъ прогресса, и въ партіяхъ регресса. Но никогда ни одинъ развитой человѣкъ не оставался въ сторонѣ отъ вопроса, который исторія ставила на очередь. Никогда, преслѣдуя свою личную или общественную цѣль, свой интересъ или идеалъ, онъ не забывалъ, что лишь ясно устанавливая отношеніе этой цѣли, этого интереса, этого идеала къ главному вопросу эпохи, онъ остается человѣкомъ развитымъ. Наши враги, сторонники строя, опирающагося на капиталистическую конкурренцію и эксплуатацію, могутъ руководиться и эгоистическими разсчетами, и ложными представленіями, и вредными идеалами. Мы знаемъ или вѣримъ, что они ошибаются или из-

вращают истину. Мы знаемъ или вѣримъ, что ихъ идеалы ложны, что они не понимаютъ истиннаго теченія исторіи, толкающаго и насъ и ихъ, теченія, которое затопитъ однихъ и вынесетъ другихъ на высоту, гдѣ ихъ признаютъ истинными представителями эпохи. Мы можемъ считать ихъ недостаточно развитыми людьми; но мы не можемъ не признать за нѣкоторыми нашими противниками и энергическаго стремленія отстоять свои интересы или убѣжденія, и болѣе или менѣе ловкихъ попытокъ оправдать передъ собою и передъ другими свои стремленія. Мы не можемъ не признать, что съ нѣкоторыми изъ нихъ бороться почетно и пріятно, какъ съ каждымъ человѣкомъ, участвующимъ въ исторической жизни, но расходящимся съ нами въ своихъ принципахъ.

По *внѣ* современнаго развитаго человѣчества, *внѣ* современной исторической жизни стоятъ тѣ, кто не хочетъ видѣть соціальнаго вопроса, какъ главной заботы нашего времени; тѣ, кто преслѣдуетъ цѣли личныя или общественныя, теоретическія или политическія, и воображаетъ, что въ наше время, при настоящемъ положеніи дѣла, можно сознательно работать въ виду какой-либо цѣли, можно жить жизнью развитаго человѣка, не установивъ для себя и другихъ опредѣленнаго отношенія своей цѣли, своей жизни къ соціальному вопросу. Нельзя не пожалѣть ученаго или художника нашего времени, который въ своихъ розысканіяхъ или въ своемъ творчествѣ ни разу не подумалъ, какимъ цвѣтомъ современный соціальный вопросъ окрашиваетъ его выборъ той или другой научной работы, его художественную дѣятельность. Еще болѣе заслуживаетъ сожалѣнія тотъ общественный дѣятель, та политическая группа, которые прячутъ отъ себя и отъ другихъ въ своихъ программахъ свое отношеніе къ этому вопросу, придаютъ себѣ видъ, будто могутъ обойтись безъ него, и думаютъ, что могутъ имѣть какое-либо общественное значеніе, не развернувъ передъ своими сторонниками и противниками своего соціальнаго знамени. Эти бѣглецы отъ самой важной современной заботы, отъ того, что болѣе чего-либо другаго характеризуетъ наше время, сами какъ-бы стараются исключить себя изъ ряда развитыхъ людей нашей эпохи, сами отнимаютъ у себя силу бороться за дѣло ими выбранное, сами отказываются отъ участія въ исторической жизни нашей эпохи.

Для развитой женщины задача стоитъ совершенно такъ же. Какъ-бы она ни относилась къ соціализму на основаніи

степени своего развитія, она не имѣетъ права отвернуться отъ современнаго соціальнаго вопроса. Она, какъ развитая женщина, обязана стремиться понять его; она, по мѣрѣ своего пониманія, должна стать въ ряды той или другой изъ борющихся армій. Между ними, внѣ той и другой, не осталось уже мѣста для развитой женщины. Индифферентизмъ есть добровольное исключеніе себя изъ ряда развитыхъ людей, изъ исторической жизни. Почерпнетъ-ли она свое убѣжденіе изъ книгъ или изъ жизненнаго опыта, изъ собственной критики или изъ вѣры въ лучшихъ людей, которыхъ она встрѣтила, велики или малы ея знанія, вліятельно или ничтожно ея общественное положеніе, значительны или незначительны ея способности — все равно; если она хочетъ быть въ числѣ развитыхъ женщинъ, она должна быть сторонницею соціализма или врагомъ его и поступать согласно принятому рѣшенію. Она можетъ не быть ни дарвинисткой, ни антидарвинисткой, если у нея мало знаній. Она можетъ не произносить приговора надъ отдѣльнымъ общественнымъ лицомъ, или надъ отдѣльнымъ политическимъ поступкомъ, имѣющимъ даже историческое значеніе, если у нея не достаетъ свѣдѣній о нихъ. Она можетъ даже воздержаться отъ опредѣленнаго взгляда на такъ называемый женскій вопросъ, такъ какъ это болѣе вопросъ будущаго, чѣмъ настоящаго. Но, лишь *отказываясь* отъ достоинства развитой современной женщины, она можетъ остаться равнодушной къ борьбѣ между ученіями, изъ которыхъ одно признаетъ, какъ неизбѣжную основу цивилизаціи, конкурренцію и эксплуатацію человѣка человѣкомъ, другое — солидарность и кооперацію всѣхъ трудящихся для всеобщаго развитія на почвѣ общаго труда.

Разъ она сочла своей обязанностью стать въ ряды той или другой арміи, требованія ея развитія, т. е. высшаго элемента ея личнаго достоинства какъ человѣка, не разъ войдутъ въ неизбѣжное столкновеніе съ ея обыденными жизненными интересами. Для сокращенія разсужденія я буду говорить здѣсь лишь о *русской* развитой женщинѣ.

Для нея, прежде всего, прямо опасно названіе соціалистки. Кромѣ того, на нашей родинѣ оно почти нераздѣльно отъ названія революціонерки. То и другое опасно не только для нея, но и для людей ей близкихъ, дорогихъ, опасность которыхъ для любящей женщины несравненно тревожнѣе, чѣмъ опасность собственная. То и другое сулитъ ей не только личныя неудобства и страданія, но горе въ семьѣ,

въ тѣсномъ дружескомъ кружкѣ. Совершенно понятно, что ея обыденные интересы толкаютъ ее внѣ рядовъ партіи соціалистическаго и спеціально-русскаго движенія. Они ее предостерегаютъ противъ тѣхъ борцовъ за лучшее будущее человѣчества, которые сознаютъ и признаютъ себя солдатами огромной и все растущей арміи сторонниковъ труда противъ капитала; сторонниковъ солидарности всѣхъ трудящихся противъ конкурренціи жадныхъ до обогащенія и до барыша. Они пугаютъ ее судьбою враговъ абсолютизма въ нашемъ отечествѣ; они напоминаютъ ей, что въ борьбѣ съ этимъ абсолютизмомъ разнымъ оружіемъ въ продолженіи цѣлаго вѣка одинаково гибли Радищевы и Декабристы, Петрашевскіе и Худяковы, Герцены и Чернышевскіе; одинаково гибли и новые борцы, когда въ наше время эта традиція вражды къ абсолютизму все яснѣе освѣтилась сознаніемъ, что ея принципіальныя основы заключаются въ томъ самомъ соціализмѣ, который одушевлялъ Марксовъ и Варленовъ; когда въ 1873 и 1874 годахъ новые крестоносцы молодой русской интеллигенціи пошли въ народъ съ благою вѣстью евангелія соціализма, и Перовскія, Фигнеры, Корбы явились въ средѣ русскихъ женщинъ апостолами-мученицами вѣры въ будущее царство солидарности всѣхъ людей на почвѣ общаго труда. Да; обыденные интересы русской женщины подсказываютъ ей, что ей выгоднѣе для себя и для своихъ близкихъ быть не въ станѣ „погибающихъ“, а въ станѣ „ликующихъ“. А умъ-софистъ выдвигаетъ передъ нею цѣлую литературу противниковъ соціализма, говорящихъ о несбыточности царства человѣческой солидарности, о необходимости конкурренціи для эволюціи человѣчества на столько-же на сколько борьба за существованіе необходима для эволюціи органическихъ формъ, о блескѣ той многовѣковой культуры, которую выработала въ прошедшемъ эта конкурренція и которую подвергаетъ повидимому опасности „новое нашествіе варваровъ“. Память навязываетъ ей имена нѣсколькихъ знакомыхъ ей „соціалистовъ“ и „революціонеровъ“, которые не отличались особеннымъ умомъ и знаніемъ, которые были ей порою смѣшны и жалки, хотя они умѣли бороться, страдать и умирать за свои убѣжденія; за тѣмъ она припоминаетъ имена другихъ, которые отказались отъ своего дѣла, которые измѣнили, которые предали,... хотя этихъ заклейменныхъ было и немного. Но стоитъ-ли борьбы и страданій дѣло, за которое стояли подобные не блестящіе люди? Воображеніе рисуетъ картину слезъ мате-

ри, ареста мужа, оставленныхъ безъ присмотра дѣтей. . . . Нѣтъ, она не пойдетъ туда, гдѣ еще такъ много сомнительнаго въ теоріи и такъ много неизбѣжныхъ опасностей. Она станетъ защитницей старой, испытанной цивилизаціи, старыхъ традицій „долготерпѣнія" и медленной культурной работы; или, по крайней мѣрѣ, посторонится отъ этой борьбы, отъ вопросовъ соціализма и революціи...

Если она женщина *неразвитая*, то конечно она совершенно естественно сдѣлаетъ это и даже никогда не почувствуетъ укора совѣсти, что это сдѣлала. Но увы! Она женщина *развитая* и для нея *невозможно* посторониться отъ вопроса, вынесеннаго на очередь исторіею; для нея *невозможно* и лгать предъ собою, допуская, что она вѣритъ въ то, во что она дѣйствительно не вѣритъ, сознала то, что въ дѣйствительности ей сомнительно, любитъ то, что ей на самомъ дѣлѣ индифферентно или отвратительно. Именно невозможность обмануть себя составляетъ характеристическій признакъ развитаго человѣка; именно искренность передъ собою составляетъ существенную черту потребности развитія. Можетъ-ли про себя, наединѣ со своею мыслью, развитая женщина найти, что аргументація Поля Леруа-Болье убѣдительнѣе аргументаціи Маркса и Лассаля? Можетъ-ли она въ іюньской борьбѣ 1848 г. быть искреннею сторонницею Каваньяка? въ борьбѣ стачечниковъ лондонскихъ доковъ признавать, что справедливость на сторонѣ патроновъ? Можетъ ли она, побывавъ въ залѣ собранія биржевиковъ и на конгрессѣ соціалистовъ, искренно сказать о первыхъ: здѣсь будущее? Могутъ-ли для нея Николаи быть симпатичнѣе Пестелей, Катковы патріотичнѣе Щедриныхъ, Ольга Новикова ближе, чѣмъ Перовская, Тихомировъ „Московскихъ Вѣдомостей" правдивѣе Тихомирова Исполнительнаго Комитета? Я предоставляю каждой русской женщинѣ, считающей себя развитою, отвѣтить на эти вопросы самой за себя и за тѣхъ своихъ подругъ, которыхъ она признаетъ людьми: я безпристрастнымъ быть не могу.

Но понять истинное значеніе фактовъ и людей еще не все: развитой человѣкъ не можетъ не вносить своего пониманія въ жизнь. Убѣжденіе требуетъ дѣла. Какъ будетъ жить и дѣйствовать русская развитая женщина, если она въ своей мысли стала въ ряды міровой арміи трудящихся, въ ряды русскихъ противниковъ абсолютизма? — Софизмы ума и здѣсь не оставятъ ее въ покоѣ; и здѣсь они будутъ подсказывать ей жизненныя рѣшенія, уменьшающія опасность

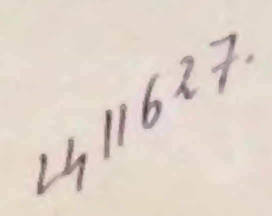
ея положенія. Они приведутъ ей общеизвѣстный фактъ, что во всемъ мірѣ соціалистическое движеніе опирается на болѣе или менѣе крѣпкую рабочую партію, а что этой партіи въ Россіи еще не выработалось; слѣдовательно самая почва *дѣйствія* въ пользу соціальной революціи у насъ какъ будто отсутствуетъ. Они напомнятъ ей, какъ мало въ Россіи интеллигентныхъ и развитыхъ людей; подскажутъ, что поэтому, каждой единицей приходится дорожить, и что, подвергая ненужной опасности, безполезной гибели, себя и своихъ близкихъ, она совершаетъ преступленіе противъ своей родины. Они укажутъ ей невозможность для нея энергичной борьбы противъ зла общечеловѣческаго и зла спеціально русскаго. Они выставятъ предъ одною колеблющеюся деморализующее ученіе „непротивленія злу", поддерживая его всею прелестью слога первостепеннаго писателя; предъ другою — долгъ семьянки, ставящей себѣ цѣлью не собственную забаву жизнью, даже не собственное счастье, но счастье близкихъ ей людей, которыхъ она *можетъ* сдѣлать счастливыми; долгъ преданной дочери, успокоивающей на старости тѣхъ, кто окружалъ заботами ея дѣтство; долгъ вѣрной подруги, поддерживающей дорогаго человѣка среди тысячи опасностей и волненій жизни; долгъ матери, подготовляющей въ своихъ дѣтяхъ поколѣніе *людей*. Эти идеалы, скажетъ ей Мефистофель, ее искушающій, *возможны* независимо отъ всякаго соціализма, отъ всякой революціи. Эти идеалы *достижимы* при всѣхъ условіяхъ экономическаго и государственнаго строя. А рядомъ съ ними такъ-же возможны, такъ-же безопасны идеалы филантропіи, спеціальной науки, занимающейся туманными пятнами въ небѣ и мутью химической реакціи на землѣ, только не людьми съ ихъ борьбою; спеціальнаго искуства, создающаго чудный ландшафтъ кладбища, гдѣ похоронены убитые голодомъ и нуждою пасынки исторіи; искуства, лѣпящаго изящную головку нимфы, въ маленькомъ мозгу которой никогда не было мѣста заботамъ о страданіяхъ Промѣтеевъ. Изъ за всѣхъ этихъ обязательныхъ хлопотъ, наполняющихъ жизнь, есть-ли время развитой женщинѣ участвовать дѣятельно въ борьбѣ труда противъ капитала, въ борьбѣ русской революціи противъ абсолютизма?

Я ограничусь лишь самымъ естественнымъ изъ упомянутыхъ аргументовъ — желаніемъ счастья тому, кого она любитъ, желаніемъ сдѣлать изъ дорогаго ребенка—человѣка.

Счастье! Да, всякое существо любящее только тогда и

любитъ истинно, когда оно стремится доставить счастье существу любимому. Но въ чемъ состоитъ счастье для *развитаго* человѣка? Неужели въ матеріальной обезпеченности, въ комфортѣ жизни; въ устраненіи изъ жизни непріятныхъ столкновеній, хотя-бы это были столкновенія съ застарѣлою общественною болѣзнью, въ устраненіи изъ нея утомительной и опасной борьбы, хотя-бы это была борьба со зломъ? Неужели теплое семейное гнѣздо, украшенное заботами и улыбками любящихъ сердецъ есть *возможное* счастье для развитаго человѣка, когда кругомъ страдаютъ и будутъ страдать милліоны? когда рядомъ съ нами въ каменныхъ стѣнахъ Шлиссельбурга задыхаются герои, когда на Карѣ засѣкаютъ женщинъ, когда подъ самыми гибельными и безумными указами подписывается безконтрольное: „быть по сему"? Неужели сознаніе своего участія въ борьбѣ со старымъ зломъ, сознаніе служенія исторической идеѣ не есть высшее счастье для *развитаго* человѣка? Неужели не почувствуетъ развитая женщина въ иныя минуты нѣкотораго презрѣнія къ любимому человѣку, который изъ за шкурнаго вопроса умаляетъ кругъ своего пониманія, прячется въ свое теплое семейное гнѣздышко отъ воплей страждущихъ, заслоняетъ въ своей мысли общественное зло задачами о циклѣ жизни инфузоріи или прелестями музыки Глинки? Неужели она полагаетъ, что она дѣйствительно доставила счастье этому любимому человѣку, когда помогла ему сдѣлаться слѣпымъ и глухимъ къ исторической борьбѣ, кипящей около него, помогла ему принизиться умственно и нравственно? Но если такъ, то какой смыслъ имѣетъ ея развитіе и ея любовь, какъ любовь *развитой* женщины? Чѣмъ отличается эта любовь отъ любви безчисленныхъ самокъ не-человѣческихъ видовъ и человѣческаго рода, которыя такъ-же страстно, а иногда и самоотверженно, охраняли своихъ самцовъ и своихъ детенышей отъ жизненныхъ опасностей? — Если-же для нея счастье любимыхъ и уважаемыхъ ею людей, точно такъ-же какъ счастье собственное, нераздѣльно отъ потребности развитія, отъ борьбы за историческое дѣло, то какъ удастся русской развитой женщинѣ не положить всю силу своей мысли, всю свою энергію на соціалистическую, на русскую революціонную борьбу, и не призвать съ собою на эту борьбу всѣхъ тѣхъ, кто ей дорогъ и кому она хочетъ доставить счастье *развитаго* человѣка?

Она хочетъ сдѣлать своего ребенка *человѣкомъ*. Значитъ

она, развитая женщина, хочетъ сообщить ему свое развитіе и сдѣлать его способнымъ къ развитію дальнѣйшему. Она подѣлится съ нимъ своимъ пониманіемъ и своимъ опытомъ жизни. Если она въ душѣ соціалистка и врагъ архаическаго абсолютизма, то она постарается передать ему свои соціалистическія убѣжденія, которыя суть для нея высшая правда, свое отвращеніе къ абсолютизму, который для нея есть самое возмутительное зло. Она будетъ развивать въ немъ энергію мысли и энергію дѣла. Она не скроетъ отъ него опасностей, грозящихъ борцамъ за правду, но научитъ его не бояться этихъ опасностей и смотрѣть имъ прямо въ глаза. Она не побоится проповѣдывать ему великую заповѣдь: „положи всего себя на борьбу за свое убѣжденіе". Значительна можетъ быть сила ея слова, полнаго горячаго убѣжденія; еще сильнѣе будетъ проповѣдь ея примѣра. И вотъ, когда она, холодная и блѣдная отъ собственныхъ воспоминаній, будетъ говорить ему о рабочихъ, умиравшихъ отъ голоду и отъ лишеній рядомъ съ дворцами биржевиковъ и съ сарданапальскими пирами царскихъ любимцевъ, богатство которыхъ создали эти самые рабочіе; когда она будетъ дрожащимъ голосомъ разсказывать о тѣхъ, которые пошли на каторгу и на висѣлицу за свои убѣжденія, за свою любовь къ народу — ея ребенокъ, съ блестящими отъ волненія глазами, сжимая горячею ручкою ея холодную руку, спроситъ ее: „Но когда эти злые люди давили хорошихъ и когда хорошіе люди страдали и умирали, что дѣлалъ отецъ, котораго ты учила меня любить и уважать? что дѣлала *ты*, мама, *ты*, которая такъ ясно понимала, гдѣ добро и гдѣ зло, такъ сильно сочувствовала добру, такъ искренно ненавидѣла зло?"…. Я не знаю, что отвѣтятъ на это русскія матери, не знаю, что отвѣтите на это *вы*, мои слушательницы, если когда-нибудь вашъ ребенокъ поставитъ вамъ этотъ вопросъ. Признаюсь, мнѣ было-бы легче представить себѣ, если вы *развитыя* женщины, что вы передадите ему шопотомъ печальную исторію страданій, гоненій, тяжелыхъ потерь, чѣмъ подумать, что вы со стыдомъ опустите глаза передъ этимъ ребенкомъ-судьею и должны будете сознаться, что вамъ удалось оградить семейное спокойствіе и благополучіе. И какою цѣною!

О Софьѣ Васильевнѣ Ковалевской мнѣ пришлось сказать, что руководящія силы ея родины не съумѣли ни оцѣнить ея ученыхъ трудовъ, ни дать ей каѳедры для преподаванія ея науки. Это было еще очень милостиво. Кончая свою бе-

сѣду, за длинноту которой я долженъ извиниться предъ моей аудиторіей, я принужденъ съ болью въ сердцѣ сознаться, что для русской развитой женщины нашего времени я не предвижу ни блестящей карьеры, ни даже спокойнаго существованія. Передо мною рисуется лишь картина упорной и тяжелой борьбы, картина лишеній и страданій. Тѣмъ не менѣе, лучшее желаніе, которое я могу высказать русской женщинѣ, это—быть женщиною *развитою*, если понадобится — пострадать за свое развитіе, и, если удастся, увидѣть наконецъ ту эпоху, когда русскимъ развитымъ людямъ будетъ возможно жить при лучшихъ условіяхъ и гордиться своею родиною.

П. Лавровъ.

Женева. Вольная русская типографія.